

Для кого писались книги мёртвых на планете живых?

Исследование духовных поисков древних землян в эпоху глоболизации или когда тайное становится явным, а сакральное допускается в повседневность

Во времени они отстоят друг от друга на почти пять тысяч лет... Странные, особые, сакральные книги, написанные посвященными жрецами Древнего Египта и тибетскими мудрецами. Есть некие общие символы, есть мировая преемственность этих символов – единения и расторжения духовного и физического. Ки - древнешумерское, Ку - древнекитайское, Ка - древнеегипетское – отождествлялось с душой, невидимым астральным двойником, Ба – с индивидуальным духовным и физическим, похоже, устройством личности. И как вам теперь покажется Ка-Ба-ла – связующая духовное с земным книга средневековых еврейских мистиков? Значит и до понимания каббалы мы еще не дошли. А ведь и её писали более тысячи лет! Первый том увидел свет в 200 г. н.э., а второй в 1200 гг., во времена нашествия татаро-монголов на Русь, а возможно и в год падения Киева... Ки-Ку-Ка – Киев. Цепь времени замкнулась, небесное в переплетении с земным, духовное с физическим ушло в сакрал времени и в сетевые библиотеки, из которых мы начинаем проливать свет на затертые уголки нашей общей планетарной памяти.

Религии как части духовной культуры – бессмертие души

Слово religio (лат.) – дословно “воссоединение”. С чем? С тем, что у значительной части людей сильно ослаблено: воссоединение с высшим Эго или “Я” – духом, душой, и высшим умом, тем, что для простоты называют Богом. Религиозность – это устремленность к Творящему Началу, иницирующему через “звучание” духа проявление Жизни на всех уровнях, включая плотную материю.

Источниками глубочайших знаний, внесшими вклад в мировую духовную культуру, является религиозно-философские системы Древнего Египта – культа Солнца Ра, представления о строении “тонких” тел человека, о его “жизни после смерти”. Практически в миропонимании древних египтян, в сравнении с другими духовными учениями, совпадают также идеи строения “тонких” тел человека, отличаясь лишь названиями:

Ах – индивидуальный дух (символизируется птицей ибисом);

Ба – индивидуальная душа (символизируется птицей с обликом конкретного человека);

Ка – душа – астральный невидимый двойник человека и т.д.

После смерти человека “Ба” обращалась в птицу и могла вновь прилететь в гробницу, если родственники туда принесут пищу, которую “Ба” и должна передать телу.

Древние египтяне верили в бессмертие души. Пирамиды, мастабы и гробницы в разных долинах сооружались, чтобы поселить в них души умерших. Ка – это дух Вселенной, или духовная субстанция, которая животворит любую сущность. Тело – для земли, душа – для неба, а человеческая природа отождествляется с самосознанием. После земной смерти душа витает над мумией – это ее Ка, ее двойник, – до тех пор пока душа не преобразуется в астральный дух, и оба – Ка и Ба (божественная “искра” – одна из духовных характеристик данного индивидуума) – не соединятся нитью Осириса с высшим разумом, чтобы образовать единый разум (дух).

Многочисленные фрески с изображением бессмертия души и других религиозных сюжетов были обнаружены в кирпичных зданиях – жилищах фараонов. Все заупокойные храмы и гробницы расписаны сценами вечной загробной жизни, отсюда их название – “дома вечности”. Крест с петлей “Анх” также символизировал будущую жизнь с тремя ее атрибутами: мир, блаженство и безмятежность.

Из Древнего Египта дошли до нас отголоски различных ритуалов (Мистерий) посвящения в Знания. Древние египетские города были средоточием эзотерических знаний: Фивы, Гелиополь, Мемфис, где обучались и проходили сакральный обряд посвящения известные греческие философы Пифагор, Орфей, Фалес, Демокрит, Платон, Евдоксий. Древняя Греция была тесно связана с Древним Египтом, трансформируя философские воззрения и знания посвящённых в последующую эллинскую культуру.

Верования древних египтян

Изображения многочисленных божеств, обнаруженные в древнейших египетских монументальных сооружениях, вызвали ряд серьезных разногласий по поводу вероисповедания первых обитателей этого региона. Религия древнего Египта, на первый взгляд политеистическая, была на самом деле монотеизмом, как все великие религиозные учения. В наши дни ученые пришли к согласованному выводу, что многочисленные божества египетских храмов следует считать посредниками или воплощениями Высшего Существа, единого Бога, которому поклонялись жрецы, посвященные и мудрецы, жившие в храме. На вершине египетского пантеона восседает единый Бог, бессмертный, вечный, невидимый и скрытый в непостижимой глубине своей сущности. Он порождает сам себя в бесконечности Вселенной и заключает в себе все атрибуты божественности.

В Египте поклонялись не множеству богов, а напротив, под именем какого-либо божества – Богу тайному, не имеющему ни имени, ни образа; доминирующей была идея единого изначального Бога... Египетские жрецы определяли его так: «Тот, кто существует сам по себе; Первопричина всякой жизни; Отец отцов; Мать матерей»; Они говорили также: «Из него проистекает сущность всех других богов», «По его воле светит солнце, земля отделена от неба и гармония царит в его творении».

Чтобы облегчить народу веру в единого Бога, жрецы выражали его атрибуты и его различные воплощения в виде чувственных представлений. Один из наиболее совершенных образов Бога был представлен в виде солнца с его главными характеристиками: формой, светом, теплом. Душа солнца называлась Амон, или Амон-Ра, что значит «скрытое солнце». Бог – это отец жизни, а все прочие божества – всего лишь составные части его тела. Здесь мы можем говорить о знаменитой египетской триаде. Апостолы этой древней теологии утверждали даже, что высшее Существо – творец Вселенной – если и едино в своей сущности, то не едино в своем воплощении.

Ему не нужно выходить из себя, чтобы быть плодотворным, и он порождает себя в себе самом: он одновременно является Отцом, Матерью и Сыном Бога, не выходя из Бога. Эти три сущности есть «Бог в Боге» и, не разделяя божественную природу, они все три стремятся к бесконечному совершенству. Отец представляет созидательную силу, а Сын – повторение Отца – подтверждает и выражает его вечные атрибуты. В каждой египетской провинции была своя триада тесно связанных между собой божеств,

и это отнюдь не нарушало божественного единства, как и разделение Египта на провинции не нарушало единства центральной власти.

Самая главная триада, или большая триада Абидоса, состояла из Осириса, Исиды и Хора. Эта триада была наиболее популярной и почитаемой во всем Египте, так как Осирис был воплощением Добра; его называли обычно «добрым Богом». Птах, Сехмет и Нефертум составляли мемфисскую триаду; Амон, Мут и Хонсу – фиванскую. Троица, однако, не единственная догма, хранимая в Египте из первоначальных откровений.

В их священных книгах можно встретить понятия первородного греха, искупления грехов, будущего воскресения во плоти. Каждая смена династии сопровождалась усилением монотеизма, что обеспечивало Высшему Существу господство над другими почитаемыми божествами. Религиозному перевороту Эхнатона предшествовал переворот Менеса, а задолго до него – Осириса (V тысячелетие до н.э.). Некоторые историки считают, что радикальное изменение религии произошло в эпоху Осириса – фиванского царя (4200 г. до н.э.), самого таинственного из всех правителей, при котором был повсеместно утвержден монотеизм.

Тот же самый Осирис будет возглавлять всевышний суд над душами умерших. По ритуалу «психостазии» (буквально: взвешивания души) – церемонии последнего суда над умершим – душа после смерти тела перевозилась на священной ладье по водам Елисейских полей. По дороге ладья освещала места, где пребывали воплощения проклятых душ, и они радостно жестикулировали при виде просиявшего им и доселе запретного света. Ладья продолжала свой путь, и после пересечения более светлого места, которое в какой-то степени соответствует нашему представлению о чистилище, она приближалась к всевышнему суду, возглавляемому Осирисом с его сорока двумя судьями.

Сердце умершего помещалось на одну чашу весов, на другой лежало перо – символ богини Маат. Если умерший совершил больше добра чем зла, он становится «праведником» и мог стать частью мистического тела бога Осириса; в противном случае его сердце пожирало чудовище с головой крокодила и туловищем гиппопотама и он терял всякую надежду на загробную жизнь. А «праведный» мог попасть в Ялу, то есть в Елисейские поля. В связи с этим может возникнуть вопрос: почему в пирамидах и гробницах было найдено такое множество обиходных предметов? Ответ прост: краеугольным камнем религии древних египтян было убеждение, что жизнь человека вечна, даже после физической смерти.

Священные животные

Монотеизм древней египетской религии на взгляд современного человека имеет все черты фетишизма. Однако следует хорошо представлять, что бесчисленные изображения богов египетского пантеона – всего лишь проявление различных ипостасей единого Бога, проявления им лика вечной божественной сущности. В этом плане можно понять смысл культа, воздаваемого в разных регионах Египта солнцу, земле, небу и некоторым животным, обитающим в Египте. Действительно, лишь в более позднюю эпоху египетские боги приняли человеческое обличие.

Раньше их символами были растения и животные: богиня Хатхор жила в дереве сикомора (фиговое дерево); богиню Нейт, которая рожала детей, оставаясь девственной, и которую греки идентифицировали с Афиной, изображали в виде щита с двумя скрещенными стрелами; Не-фертум, отождествляемый с Прометеем, изображался в виде цветка лотоса. Но чаще всего египетский бог являлся верующим в виде животного. Вот несколько примеров: Хор-ястреб, Тот – ибис, Бастет – кошка, Хнум – баран.

Кроме отправления культа богам-животным, египтяне еще поклонялись животным как таковым, наделенным определенными качествами и отмеченными особыми знаками. Яркий тому пример – пышный культ Аписа – священного быка, почитавшегося в Мемфисе. Чтобы быка признали священным, он должен был обладать определенными характеристиками, которые могли знать только жрецы. По смерти Аписа, жрецы после длительного поста начинали поиски нового Аписа, у которого на лбу должен был присутствовать белый треугольник, на шее – пятно, напоминавшее орла, и другое пятно в форме растущей луны – на боку. В Мемфисе Апис жил в загоне перед храмом Птаха – творца Вселенной – и там принимал подношения от поклоняющихся ему и давал пророчества. До XIX династии каждый бык имел свою особую гробницу. Затем Рамсес II приказал хоронить их в общем некрополе – Серапеуме. Происхождение этого названия следующее: умерший Апис получал имя Осор-Аписа, от которого произошло греческое имя Серапис. Французский археолог Огюст Мариэтт, следуя точным указаниям из текста Страбона, открыл в 1851 г. в Саккара легендарный Серапеум: широкую, длинную подземную галерею с погребальными камерами. Там мумии священных быков были помещены в монолитные саркофаги из розового гранита, известняка или базальта, достигавшие 4 метров в высоту и весившие до 70 тонн.

В благодарность за помощь, которую оказывали некоторые птицы земледельцам, древние египтяне считали их также священными. Там же, в Саккара, есть некрополь

священных птиц – ибисов. Ибисы должны были иметь голые, матово-черные голову и шею, синевато-серые лапы, великолепное белое оперение с отдельными сине-черными перьями на крыльях. Живой ибис был посвящен богу Тоту – греческому Гермесу, после смерти его мумифицировали и укладывали в глиняный сосуд.

В Фивах существовал особый культ крокодила, который жил там, прирученный, украшенный золотыми серьгами и кольцами, принимая от всех знаки почитания и благоговения. Однако, как утверждает Геродот, не во всех городах Египта крокодил был священным животным. Так, например, в городе Элефантине и его окрестностях мясо крокодила даже употребляли в пищу.

В египетской религии важная роль отводилась кошке, которая называлась «мяу», звукоподражательным словом, перешедшим во все языки; от него же происходит глагол «мяукать». Кошка, посвященная богине Бастет, олицетворяла благодатное солнечное тепло. Ее культ особенно процветал в Нижнем Египте. Город Бубаст (сегодняшний Зигазиг), где был воздвигнут храм богини Бастет, был назван в ее честь. Кошка считалась настолько священным животным, что даже случайное ее убийство вело к смертной казни. Огромное количество забальзамированных мумий кошек было найдено в Бени-Хасане.

Погребение и мумифицирование

Считалось, что искусство бальзамирования трупов и превращение их в мумии имеет божественное происхождение; его приписывали Хору, сыну Осириса и Исиды. Слово «мумия» – арабского происхождения и обозначает, по словам арабского путешественника XII века Аб-эль-Латифа, гудрон, или смесь смолы и мирры: состав, широко применявшийся для обработки трупов и бывший предмет бойкой торговли в средние века даже в Европе.

Раньше различали искусственные и естественные мумии, которые сохранялись без какой-либо специальной обработки. Сегодня считается, что поразительная сохранность египетских мумий лишь отчасти зависела от совершенной техники бальзамирования, главная же причина заключалась в чрезвычайно сухом климате Египта, мешающем развитию бактерий в воздухе и в песке.

Благодаря барельефам и росписям, найденным в гробницах, мы знаем, как проходили погребальные церемонии в древнем Египте. Во главе похоронной процессии группа рабов несла жертвоприношения и личные вещи усопшего: если это был воин – оружие и его лошадь; крестьянин – его орудия труда. Затем шли наемные плакальщицы, которые выпускали пронзительные, жалобные вопли, рвали на себе волосы и пели похоронные гимны. И наконец, за распорядителем похорон и жрецом двигался катафалк в виде солнечной ладьи, водруженный на сани, влекомые упряжкой быков. За катафалком шла семья, родственники и друзья умершего в глубоком трауре, они плакали и выпускали жалобные крики. Последней шла группа женщин, певших погребальное величание усопшему. Процессию сопровождала толпа любопытных зевак. Если кладбище находилось на другом берегу Нила, кортеж останавливался, чтобы погрузиться на баржи и переплыть реку. На другом берегу мумия снова водружалась на сани, и группы сопровождающих выстраивались в прежнем порядке. Прибыв к месту захоронения, родственники и друзья прощались с покойным и приносили воздаяния мумии, затем приступали к «церемонии открытия глаз и рта», которая символически возвращала умершему способность чувствовать. И наконец, мумия обретала покой в своей гробнице.

Теперь рассмотрим, как протекало бальзамирование трупа. Тело только что умершего человека передавалось специалистам по бальзамированию. Самая первая операция заключалась в извлечении мозга через ноздри с помощью тонкого инструмента в виде крючка. После этого череп заполнялся составом на основе жидкого гудрона, который, охлаждаясь, затвердевал. В глазные яблоки вместо глаз вставляли искусственные глаза из эмали. Затем извлекали кишечник и внутренности через разрез в левом боку, сделанный с помощью острого камня. Внутренности после обработки в кипящем битумном составе вместе с печенью и мозгом запечатывались в четыре канопы (специальные сосуды) из глины, известняка или алебаstra, а также из камня или металла – в зависимости от социального положения умершего. Четыре разные головы – человека, шакала, ястреба и павиана – образы четырех загробных духов венчали крышки этих урн, которые помещали все вместе в один ковчег рядом с мумией. Полость живота тщательно промывалась пальмовым вином и высушивалась ароматическими порошками. Затем ее набивали толченой миррой или ароматизированными древесными опилками. После такой подготовки тело погружалось на 70 дней в ванну с раствором натрона (карбоната натрия). Таким образом плоть и мышцы полностью растворялись и оставались лишь кости, обтянутые кожей. У мужчин волосы коротко стригли, а женщинам оставляли их длинные роскошные прически. Узкими бинтами, пропитанными смолами, бинтовали сначала каждый палец отдельно, потом кисть и руку. Так бинтовали руки, ноги и, наконец, тело. Голову обрабатывали еще более тщательно. Непосредственно на кожу накладывали ткань типа муслина. Лицо последовательно покрывали несколькими слоями этой ткани так плотно, что снятая многослойная маска могла служить формой для отливки гипсового портрета покойника. И наконец, вытянутое забинтованное тело с руками, скрещенными на груди или лежащими вдоль бедер, обертывали лентами ткани по всей длине. Тела же фараонов заворачивали в саван или покрывали чехлом из чеканного золота, повторявшим форму их тел.

Мумии, хранящиеся в египетских музеях Каира и Александрии или в других музеях мира, находятся в состоянии почти совершенной консервации. Самая древняя из известных мумий – это мумия Секке-рам-Саэфа, одного из сыновей Пепи I (VI династия). Она найдена в 1881 году в Саккара, около Мемфиса и сейчас хранится в Каирском музее. Искусство бальзамировщиков донесло до наших дней лики великих фараонов: на морщинистом лице Мернепта (многие относят его правление к эпохе исхода евреев) можно еще различить характерный фамильный нос и густые брови; рентгеновский снимок показал, что великий Рамсес II страдал зубной болью.

Иероглифы

Расшифровка загадочных египетских надписей давно уже волновала весь мир. В 1799 г. капитан французской армии Бушар руководил фортификационными работами в крепости Сен-Жюльен в четырех километрах от города Розетты. Неожиданно рабочие обнаружили камень, ставший знаменитым в истории археологии: это была «Стела Розетты», позволившая расшифровать иероглифы. По прихоти истории этот камень оказался в руках у англичан, которые превратили его в жемчужину Британского музея. Это плита из черного базальта, очень твердого, одна плоскость которой имеет три-линговую надпись, состоящую из трех расположенных один над другим текстов. В первом – 14 иероглифических строк. Второй текст состоит из 32 строк демотического письма («демос» по-гречески «народ») в противоположность иератическому письму («иерос» значит «священный»), которым могли пользоваться только жрецы и ученые. Наконец, третья надпись из 54 строк на греческом языке была понятной. В надписи шла речь о священном декрете в честь Птолемея Епифана; она заканчивалась формальным приказом: «Этот декрет, выбитый на твердых каменных плитах в трех видах письма – иероглифическом, демотическом и греческом, должен быть выставлен во всех больших храмах Египта».

Честь расшифровки иероглифов разделили двое ученых: англичанин Томас Янг и француз Франсуа Шампольон, которые принялись за работу почти одновременно; усилия обоих увенчались успехом. Однако истинным переводчиком иероглифической надписи следует считать Шампольона. То, что Янг расшифровал интуитивно, Шампольон открыл благодаря научной методике, которая позволила ему настолько углубить исследования, что к концу своей жизни, к 1832 г., он составил грамматику и словарь.

Из чего же состоит текст, который греки называли иероглифическим («иероглифика» означает «священные знаки»)? Древние египтяне

называли свои письма «речью богов». По преданию, людей научил письму бог Тот во время земного царствования Осириса. В продолжение многих веков письма сохраняли свой священный характер, им приписывали даже магическую силу. Египетское письмо включало около 700 знаков, каждый из которых обозначал звук или предмет, и кто умел их писать, пользовался большим почетом. Имена царей и цариц получали овальное обрамление, которое археологи называют «картушами». Известно, что, взяв за исходное имена Клеопатры и Птолемея, обведенные «картушами», Шампольон начал свой труд по расшифровке текстов. Древние египтяне высекли иероглифы на камнях храмов, рисовали их на стенах погребальных камер или писали тростниковым пером на свитках папируса.

Что такое папирус? Это многолетнее растение семейства тростниковых, стебель которого достигает двух-пяти метров длины и венчается широким зонтичным соцветием. Белую губчатую сердцевину стебля разрезали на тонкие пластинки, расстилали на плоской поверхности и склеивали по краям. На первый слой настилали второй волокнами поперек. Затем его смачивали и сушили на солнце. Полученный лист прессовали и шлифовали, чтобы утончить. Потом несколько листов склеивали в длинную ленту, скатывали в рулон и писали текст плотными колонками.

Древнеегипетская книга мёртвых – эр ну перэт эм херу

Для древних египтян «Книга Мёртвых» была чем-то вроде Библии для современных христианских фундаменталистов: её воспринимали слишком буквально (особенно в период поздних династий, когда первоначальный смысл книги безусловно затерялся в глубине времени).

Общепринятое название «Книги мёртвых» является ошибочным. Заглавие оригинального произведения буквально переводится как «Изречения выхода в день». Этот древний текст посвящён жизни после смерти и необходимой подготовке к этому переходу. Лишь отдельные фрагменты этого произведения в его нынешней форме посвящены магическим ритуалам или метафизике как таковой. Большая часть книги является описанием состояний отлетевшей от тела души, поджидающих её испытаний и её существованию в более тонких измерениях. Фактически, основной акцент в книге делается на том, что происходит с человеком после смерти, а не нашем духовном состоянии в земной жизни.

Несмотря на все унаследованные знания и жреческую мудрость, древние египтяне были явно практическими людьми. Им нравилось упорядоченное существование, поэтому они трактовали свои религиозные верования как существенную часть жизненного опыта. Нередко современный читатель придаёт чрезмерное магическое или мистическое значение внешне загадочным изображениям иероглифов, которые при переводе оказываются всего-навсего простыми расписками в получение кувшинов масла, пшеницы, рыбы или мяса. Разве что иногда попадаются «красные извещения», указывающие, что, если счёт не будет оплачен до наступления «собачьих дней», то виновника ждёт судебное разбирательство! И всё же: действительно ли известная «Книга мёртвых» способна сообщить нам какую-то информацию? Ответить можно двояко – и да, и нет.

Да – потому что она позволяет нам составить определённое мнение о том, как мыслили египтяне в те далёкие времена. Нет – поскольку неподготовленный или просто любопытный человек, воспринимающий эту книгу буквально, не найдёт в ней ровным счётом ничего (или почти ничего) интересного. Зато с точки зрения магии или метафизики «Книга мёртвых» действительно может дать ключи к пониманию того, каким образом египтяне получили своё первоначальное значение (хотя пытливый человек столкнётся с различными наслоениями в оригинальном тексте, затуманивающими его первоначальный смысл).

Согласно Уоллис-Баджу, книга безусловно не египетского происхождения, ибо, не смотря на то, что коренное население этого региона имело довольно определённое представление о потусторонней жизни, египтян нельзя рассматривать в качестве авторов даже наиболее ранних вариантов «Книги мёртвых». И причина в том, что книга предполагает наличие у автора идей, которыми аборигены не владели. Далее: в книге упоминается довольно сложная процедура погребения, которую в тот момент местные жители явно не использовали.

Существует три основные редакции «Книги мёртвых», известные под названием «Исправленные редакции».

Гелиопольский вариант:

а) Использовался во время правления V и VI династий; был обнаружен в виде иероглифических надписей на стенах и внутри камер пирамиды в Саккаре;

б) Был написан курсивными иероглифами на саркофагах XI и XII династий.

Фиванский вариант:

а) был нанесён на саркофагах XVIII и XXII династий, а также написан кусках папируса;

б) был написан иератическим письмом на папирусах эпохи правления XXI и XXII династий.

Сайтский вариант:

Был написан на папирусе и саркофагах иероглифами, иератическим и демотическим письмом (XXVI династия и последующие). Именно этот вариант широко применялся во времена правления Птолемеев и его можно считать окончательной формой «Книги мёртвых».

Наиболее древняя из написанных на папирусе копия «Книги мёртвых» была создана для Ну, сына «хозяина дома, хранителя печати Амен-Хутепа и госпожи дома Сенсенеб». Этот имеющий большую ценность документ датируется началом правления XVIII династии. В нём приводятся два варианта 64-й главы, один из которых значительно длиннее другого. Каждый вариант снабжён примечанием, в котором указана дата создания основного текста. В книге утверждается, что один из вариантов был обнаружен... Главным каменщиком в основании храма Хенну во время правления Его Величества, царя юга и севера, Семти (или Хесепри), а более полный вариант был обнаружен в городе Хеменну (Гермополь, город Тота) под блоком из «железа юга», который находился под ступнями статуи бога (Тота) и был выложен буквами из ляпис-лазури во время правления Его Величества Мен-кау-ра (Мекерина).

В первом из этих утверждений находка относится ко времени правления I династии. Во втором – к IV династии. В одном из наиболее богато иллюстрированных существующих папирусов – «папирусе Ани» – пропущен достаточно большой фрагмент текста. Возможно, что эту совершил писец, хотя она не повлекла за собой изменения

доктрины и не вызвала вмешательство жрецов. Именно благодаря этим формам искусства мы во многом обязаны имеющейся информации относительно сцен суда и египетских представлений о карме.

Во времена XXI и XXII династий наступает постепенный упадок искусства художников. Как форма, так и содержание «Книги мёртвых» демонстрируют явные изменения к худшему. В частности в текстах встречается множество неточностей. Действительно период XXII-XXVI династий принёс крайне мало полезного в религию и магию Египта, а причиной этому были смуты и восстания, охватившие в то время египетское государство. Многие считают «Книгу мёртвых» вдохновённым трудом Тота, писца богов, который, согласно египетским представлениям произнёс слова сотворения, воплощенные затем в действительность Птахом (замедление времени является основным фактором, определяющим образование сингулярности, которая в конце концов и стала нашей Вселенной!). Если исходить из того, что данное утверждение верно, то в таком случае «Книга мёртвых» должна содержать в себе некоторые элементы сириусианской мудрости, но жрецы древности старались тщательно скрывать свои наиболее священные тайны от непосвященных. Поэтому нужно с особой осторожностью выискивать на страницах древних документов крупинцы реального знания, которым удалось дойти до нас несмотря на неуловимое время и невежество людей.

Тибетская книга мертвых – Бардо Тодол

Бардо Тодол, очень подходяще названное доктором В. И. Эванс-Венцем «Тибетская Книга Мертвых», вызвала значительное движение в англоязычных странах во время своего первого появления в 1927 г. Она всегда была «закрытой» книгой вне зависимости от комментариев, которые к ней могут быть написаны. Потому что эта книга открывается лишь духовному пониманию, а эта способность никому не отпущена при рождении, но которую человек, однако, может приобрести развитием и особым опытом.

Ленин был подвергнут забальзамированию и выставлен напоказ в пышном мавзолее как египетский фараон совершенно не потому, что его последователи верили в воскресение его тела. Скорее, они стремились сохранить для грядущего распознавания его особый ленинский «дух».

Главный принцип – условие Распознавания – совершенно одинаков в Бардо Тодол и в Египетской Книге Мертвых. И там и там умерший должен проникнуться и стать тем, что видит. Разница в том, что в Бардо Тодол вначале является Знак – Божество, которое надо узнать, чтобы им стать; а в Египетской Книге Мертвых усопший должен стать с самого начала Известным Божеством – Знаком, чтобы пройти, войти, не быть уничтоженным. В этом смысле Тибетская Книга Мертвых предоставляет гораздо большую свободу, в смысле ее наполнения Образами – Знаками других народов.

Как и у Египетской Книги Мертвых, предназначение Тибетской книги мёртвых – служить путеводителем для умершего во время его пребывания в состоянии Бардо, описанного символически как промежуточное состояние в сорок девять дней между смертью и новым рождением.

Эта книга составлялась в течение многих веков из учений мудрецов древнего Тибета, передаваемых в устной форме. Она была, наконец, записана в VIII в. н.э., но даже и тогда ее тщательно скрывали, чтобы она не попала к случайным людям. Форма, в которой составлена эта книга, определилась в соответствии с целями, для которых ее употребляли. Древние мудрецы-составители рассматривали умирание как искусство. Оно могло принять должный или недолжный вид, в зависимости от того, был ли подготовлен человек, чтобы хорошо умереть. Чтение этой книги было частью похоронной церемонии, или ее читали умирающему в последние секунды его жизни.

Книга Мертвых осуществляла две функции. Первая – помочь умирающему пережить необычайное явление в момент самого умирания. Вторая – помочь тем, кто живет, правильно думать о смерти и не задерживать умирающего своей любовью и эмоциями, чтобы он мог уйти в правильном духовном состоянии, освобожденный от всех физических тревог. Для достижения этих целей, книга содержит пространные описания стадий, которые душа переживает после физической смерти. Соотношения между различными стадиями смерти поразительно похожи на то, о чем рассказывали люди, испытавшие клиническую смерть.

Книга описывает мгновения, когда душа отделяется от тела. На какое-то время она погружается в забвение и находится как бы в пустоте, но не физической, хотя и сохраняет сознание. Умирающий может слышать тревожные и пугающие звуки, похожие на ветер и чувствовать себя окруженным серой, мутной атмосферой. Он очень удивлен тем, что находится вне своего физического тела и видит своих родственников и друзей, рыдающих над его телом, которое они готовят к погребению. Но, когда он пробует отозваться, никто не видит и не слышит его. Он еще не осознает, что он мертв, и он

смущен. Он спрашивает себя, – жив он или мертв, и когда он, наконец, осознает, что он умер, он недоумевает куда идти и что делать.

Ненадолго он остается на том месте, где он жил. Он замечает, что у него по-прежнему есть тело, называемое сияющим телом, которое состоит из нематериальной субстанции. Он может подниматься на скалы, проходить сквозь стены, не встречая ни малейшего препятствия. Его движения совершенно свободны. Где бы он не захотел быть, он в тот же момент является туда. Его мысли и движения не ограничены. Его чувства близки к чудесному. Если он в физической жизни был слепым, глухим или искалеченным, он с удивлением чувствует, что его сверкающее тело усилилось и восстановилось. Он может встретить другие существа, находящиеся в таком же состоянии.

Тибетская книга мертвых описывает чистый и ясный свет, от которого исходят только любовь и сочувствие. Описывается также чувство безмерной радости и покоя, а также нечто вроде «зеркала», в котором отражается вся жизнь человека и все его дела, – дурные и хорошие. Существа, которые будят его, видят его жизнь в этом зеркале. Никаких ухищрений здесь не может быть: лгать о своей жизни становится невозможным. Хотя тибетская книга мертвых включает много более поздних стадий смерти, между их отчетами и этой древней рукописью очень много общего.

В отличие от Египетской Книги Мертвых, которая всегда побуждает к тому, чтобы сказать либо очень много, либо слишком мало. Бардо Тодол предлагает членораздельную философию, обращенную к человеческим существам, а не к богам или примитивным дикарям. Эта философия содержит в себе воплощение Буддийской психологии: не только «гневные», но и «миротворные» божества понимаются лишь как сансарические (вызванные иллюзиями, заблуждениями цепи рождений) отображения (проекции) человеческой психики, – идея, которая кажется самоочевидной просвещенному европейцу, потому что напоминает ему о его собственных банальных упрощениях.

Однако хоть европейец и сумеет легко отделаться от этих божеств, сделав их отображениями, ему никак не удастся в то же время утвердить отдельную их реальность. Бардо Тодол может это сделать, потому что в некоторых своих главных метафизических посылах эта книга ставит просвещенного и непросвещенного европейца в очень неловкое положение. Основа этой книги не скудное европейское «или-или», а великолепное утверждающее «оба-и». Это явление может показаться спорным западному философу, поскольку Запад любит ясность и

недвусмысленность. Последовательно один философ прилепляется к утверждению: "Бог Есть!" В то время как другой с тем же рвением к противоположному: "Бога Нет!" Что эти враждующие братья будут делать с утверждением вроде следующего: "...Сообразив, что Опорожненная, Чистота твоего разума и составляет высшую Просветленность, и, понимая в то же время, что это – по-прежнему твое собственное сознание – ты пребудешь и удержишься в состоянии божественного разума Будды".

Сам текст распадается на три части. Первая часть, называемая Чикаи Бардо, описывает происходящее в психике во время умирания. Вторая часть, Хониид Бардо, рассматривает сну подобное состояние, которое следует сразу же за наступлением смерти, состоящее из "кармических иллюзий". Третья часть, Сидпа Бардо, начинается с возникновением инстинкта нового рождения и продолжается в виде событий, предшествующих новому рождению.

Тибетскую священную книгу читают, как у нас псалтырь, над гробом умершего в течение 40 дней со дня смерти, исключая первые три дня. Конечно, когда умерший беден, чтение укорачивают, а иногда и вообще лишь помянут, как у нас на третий день, девятый, двадцатый и сороковой. А то и просто положат под голову усопшему.

Эта книга-наставление в том, как вести себя Покойному на Том Свете. С другой стороны, это наставление нам, живущим, в том, как и к чему готовиться, пока еще при жизни, в отношении, увы, неизбежного ухода Отсюда. Эта книга про то, что будет с нами, когда мы умрем, и как следует подготовиться к тому, что ожидает нас на Границе и далее, пока (как утверждает книга) мы вновь не вывалимся Сюда, назад, в очередное беспмятное Существование.

Потому что испытать жизнь тут и там, Смерть, Сон – одно дело; помнить испытанное – совсем другое... Воды ласковой Леты смывают с души испытанное, как следы на песчаном плесе. И если быть честным, то на вопрос: что будет с нами, когда ми умрем? – следует ответить: мы не знаем! Коллективная истина нашей яви тут беспомощна, ибо жизнь ограничена своей всеобщностью.

Книга Мертвых учит воспоминанию и распознаванию испытываемого именно в тех случаях, когда нет уступок общедоступности правды, нет произвольного свидетельства, когда мы сами по себе. Подобно тому, как это бывает во сне с сознанием и памятью, мы

присоединены в Бардо к тайне собственного устройства, к самим себе, которых иные так тщетно искали всю жизнь.

Мы словно программа в Машине Мира, которая распознает свое начальное значение и вид до того, как, уловленные плотью, мы превращаемся в привычную Картину Себя. Программа, написанная на Языке Вечных Сюжетов нашего искусства. Язык вечных сказок нашей жизни и есть главный Язык в Мировой Машине. Какие-то сюжеты – главные, самые частые, без которых и года не проживешь, вроде сюжета птицы Феникс: сколько раз мы вспархиваем воскрешенные из пепла благодаря этому сюжету к Новой, Неведомой новой роли, новому замыслу. Кончается замысел (роли, и мы вновь умираем, потому что больше нас нет в судьбе, и судьбы нет, все, мы говорим, обесмысливается, пока – из праха не воскресаем мы, обновленные, и, увы! себя не помнящие. Эти накатанные сюжеты нашего бытия и составляют привычную картину нас самих, Недаром говорится: будь тем, чем ты кажешься... Ведь так оно и есть: вначале, лицедействуя, мы кажемся, а чуть погода – становимся тем, что изображаем...

В этом и заключена сила ритуала, он кажется таким формальным, внешним, неважным, – ан нет, раз поднял руку, перекрестился, воскликнул, два... и не заметил, как Преобразился, стал ролью и лицедейство захватило, искренность появилась. Хотя еще по-прежнему, иногда, с бывшими друзьями еще корит язык наш и память, и сами над собой горюем, мол, кем и чем я стал, во что превратился...

Зеркало Бардо отражает нас такими, какие мы есть на самом деле. А что мы про себя знаем, помимо выгораживающего нас благоприятного воображения? Под взглядом Чудища из пустоты дрожит загробное наше сознание и рвется прочь, совершая, пожалуй, страшную ошибку. Ибо поступать следует как раз противоположно. Не бежать прочь от ужаса, а потянуться к нему, проникнуться им и, распознав в Калибане Себя, допустить и взять на себя Свое. Как бы это ни выглядело!

Как обуянный бесом иль духом становится им на миг, так и в Бардо, узнав Себя и, приняв, проникшись обликом, мы становимся тем, чем мы являлись на Самом Деле, навсегда. Когда нами завладевает божество, мы превращаемся в это божество. Дух, нисходящий, завладевает Святым Сподвижником и в тот же миг Святой превращается в этот Дух!

Бардо – это состояние нашего сознания, лучше сказать, нас самих, когда мы видим,

слышим, испытываем и помним, в одиночку, вдали от коллективной правды обыкновенной жизни. Бардо – это ни реальность, ни нереальность, однако, как сон с сознанием – истинно, потому что есть в нашем переживании!

Всего существует шесть таких состояний, шесть Бардо. Три при жизни, или три Бардо жизни. Это Бардо Утробы, когда мы в утробе ожидаем рождение. Бардо Сна, когда во сне мы вспоминаем Себя. Бардо Мистического Озарения, когда наяву мы Себя забываем, но не утрачиваем сознания.

Три после смерти, или три Бардо Смерти. Чикаи Бардо, или Бардо Смертного Часа; Хониид Бардо, или Бардо Кармических Наваждений; Сидпа Бардо, или Бардо Воплощения (очередного рождения). Все эти состояния – суть Личные испытания. Один на Один с Собой и Неведомым, Небытием, Коллективная Явь с правдой произвольного свидетельства и общедоступностью доказательств, как мы видим, в число Бардо не попадает.

Поскольку Бардо Тодол это Тибетская Книга Мертвых, она насыщена живыми Знаками, Иероглифами и Картинами Буддийского и Ламаистского Пантеона Божеств. Для современного читателя, далекого от буддизма, многие картины и видения Бардо Тодола могут оказаться необъяснимыми и нелепыми, если не задаться с самого начала некоторой общей объясняющей мыслью, что хотя качество исполнения отдельного воплощенного смертного невысоко, выручает нас древний вечный сюжет. Превратившись в пепел, прах, мы из него Новым Фениксом вскоре вспархиваем, до очередного раза. Потому и существуют эти вечные сюжеты, потому они классические, что Цель нашей жизни не научиться, а исполнить! Потому никто на ошибках не учится, повторяя снова и снова то же самое в тщетном усилии исполнить наконец-то, высоким качеством, все тот же замысел и всякий раз спотыкаясь на том же месте.

Наша жизнь как исполнительство – вот причина того, почему захватывает жизненное лицедейство человека, почему, войдя в роль (или в раж), мы часто не можем из нее выбраться. Вот почему вечные Замыслы и Личины так понятны нам всем. Без этого и Книги Святые немыслимы, если бы Суть дела была в том, чтобы научиться.

Став из исполнительской Программой, Распознающей Себя, мы оказываемся в одиночестве. Во взаимоотношениях с Самим Собой, Свидетелей, как правило, не бывает, во всяком случае, одного с Нами Замысла и развития их точно нет. Вот отчего

никто нам не может помочь (подчеркивается в книге), кроме нас самих и неведомых Вышних Сил, переключающих нас в Распознающий режим, которым и остается молиться и просить смиренно. Эти зрители, коли они есть, не свидетельствуют и молчаливы, Звездное Око – оно невидимо, хотя пристально за нами призирает.

Тем Сон с Полным Дневным Сознанием и отличается от Яви, что в нем нет произвольных свидетелей, Нет их и в остальных Пяти Бардо. Хотя, конечно, из дальнейшего станет ясно, что Книга Мертвых – это лишь малая толика, вершина айсберга тайны, плавающего в неведомом.

Спрашивается, в чем суть испытания Распознанием Себя после смерти? Пока мы находимся в Бардо Смерти, является проверкой верности приобретенного нами при жизни Самосознания. Самосознания, степень которого, в сущности, есть единственное мерило нашего духовного развития. Вот и обозначается цель духовного развития при Жизни!

Какое новое качество приобретает Программа, которая сама себя узнала, что происходит с нами, когда мы становимся тем, что мы есть На Самом Деле, – на этот вопрос точного ответа нет. Это все равно, что спросить, что случится с отражением в Зеркале, которое само себя успевает разглядеть, стремительно поворотившись в стекле?

Очень похожее на то, что суть и цель Яви именно родить Самосознание, которое в загробном мире будет проходить строгий экзамен. Кто эти экзаменаторы?! Этого нам не узнать, не став Ими!

Что до награды Бардо Тодол, Книга Мертвых ограничивается всякий раз одной и той же краткостью на этот счет: освобождение, бессмертие, спасение от колеса новых беспамятных рождений и сопутствующего жизненного страдания. Смысл Испытания – Распознания заключается в том, что нам предъявляется некий трудный живой знак, в котором мы должны узнать себя, допустить и проникнуться.

В сущности, механизм здесь тот же, как в случае Одержания, скажем, в культах Макумба (смесь Христианства с Западно-Африканскими культами). Танцующие

верующие в церкви дотанцовываются до состояния транса, когда в них вселяется то или иное Божество. В это время, когда человеком завладевает божество, человек становится этим божеством. Я — это Ты. Вот формула распознавания.

Другое дело, что воспринимать эти Знаки и миражи, причудливые фигуры станет намного легче, если рассматривать их как тайнопись, которая заключает в себе наше истинное Устройство. Однако в мире Бардо, как во сне, иные законы, нежели наяву. Слово или Знак, названный, произнесенный, имеет такую же силу, такую же плотность, как и мы сами или другие фигуры. Знак и плоть во Сне и Бардо — соизмеримы и взаимозаменяемы.

Ибо в Бардо, как и во сне, нет вещественной реальности Яви, где несущий Сигнал и Смысл Сообщения отнюдь не одно и то же. В Бардо сигнал и смысл сообщения не различимы, знак и его живая плоть — одно и едино!

Вот почему Заклинание в Магии рождает Образы, а злые духи запечатываются Знаком! Иное дело, что мы не буддисты и Знаки — Образы Книги нам о многом не расскажут. Сами мы, когда встретимся с собой, увидим, небось, очень даже отличное от трехглавых, шестируких и девятиглазых Будд. Может, увидим трех Богоматерей - троеручиц, со звездой во лбу вместо третьего глаза И на четырехгранном топазе — вместо четырех ног. А, может, Пришелец нам явится в геометрическом, светящемся формами сложном Образе. Кто его знает, проживем, как говорится, увидим!

Тут важно другое: фигуры в Книге Мертвых — это Архетипические фигуры Буддийского Пантеона, Архетипы, если пользоваться обозначениями Юнга, сиречь фигуры национального и культурного сознания народа, к которому мы принадлежим. Это главные сюжеты человеческого бессознательного существования, которые наполняются культурным национальным содержанием за время жизни.

Атеист, к примеру, вообще может ничего не увидеть, кроме круга пустыни с четырьмя сторонами. В сущности, это будет он сам, человек, который при жизни считал, что жизнь начинается с рождения и заканчивается со смертью, и вечные Замыслы Души ничем не заполнил, кроме человеческого бытового смысла, уходящего со смертью.

Что гадать, когда эти видения нас обязательно посетят. Важно, пока еще мы живы, поразмышлять над будущей задачей и ее возможностями. Безусловно, должна быть общность устройства, в той же мере, в какой мы все – люди. И наше четырехстороннее внутреннее устройство круга (мандалы) с отмеченными четырьмя сторонами внутреннего окоема того света, по-видимому, является общим для всех. Размеры фигур-знаков тоже должны быть приблизительно схожими. Появляющиеся фигуры-образы в размере меняются от 15-18 наших ростов до высоты горы.

Много общего должно быть и в ощущениях, а в особенности, в рекомендациях, как вести себя. Тут есть о чем поразмыслить. Если искать подмогу и в поиске, и в разгадывании знаков, то, прежде всего пусть читатель обратится к Платону, который в «Республике» описывает возвращение Эра с Того Света. Возвратившись к жизни, Эр подробно описывает устройство Загробного Мира, которое удивительно напоминает некоторые картины из Бардо Тодол.

Много сходств с Бардо Тодол, но с совсем другими знаками, обнаружит читатель в средневековом наставлении для умирающих (если разыщет таковое у в сетевой библиотеке).

Как проникнуться и превратиться в то, что видишь? В мире, где Знак и Плоть сравнимы, достаточно объявить: ты – это я! Хотя может быть, надо наоборот зажать: я – это ты.

Одной девочке пяти лет приснился сон: играет она на розовом рояле яблочную песню. Когда она ее доиграла, по дорожке из леса вышел ежик, а ему навстречу второй. «Я – это ты?» — спрашивает второй. «Нет, ты – это я!» - ответил первый. Кто из них в кого превратился? Об этом мы узнаем со временем, очнувшись в Бардо.

Что случится, если Распознающая Программа не узнала Себя, не стала тем, чем она является на Самом Деле? Она вновь переключается в режим Исполнения, мы вываливаемся в коллективную Явь, в очередной раз рождаясь для беспмятного Существования. Беспмятного в отношении того, что было до рождения, что будет после; беспмятного в отношении Себя.

Только тогда, когда мы начинаем просыпаться от дремоты привычного коллективного морока, когда в нас начинает брезжить Самосознание и в его просветах чуть проступают тайные знаки настоящей истинной нашей сути - только тогда начинается Жизнь, не выживание, не существование, а Жизнь, которая не начинается с рождения и не заканчивается смертью. Так учит древнее Знание.

Психологический комментарий доктора Карла Г. Юнга

Тибетская Книга Мертвых, или Бардо Тодол, является книгой наставлений для мертвого или умирающего. Показательно, что самое сильное Проникновение и Озарение, а отсюда и самая большая возможность высвобождения, нам пожалованы во время действительного умирания. Вскоре после того начинается «иллюзорность», которая, в конечном счете, ведет нас к перевоплощению (реинкарнации); огни озарения становятся все слабее и разнообразней, а видения все более устрашающими. Этот спуск показывает отчуждение сознания от освобождающего света по мере того, как оно приближается к очередному физическому рождению. Цель наставления обратить внимание умершего, в каждой очередной ступени обольщения и запутанной чертовщины, на всегда присутствующую возможность освобождения и объяснить ему природу видений. Текст Бардо Тодол читает Лама возле тела умершего.

Когда западный человек слышит слово «психологический», для него это всегда звучит, как «лишь психологический». Для него «психе» (душа) что-то досадно малое, нестоящее, личное, субъективное и еще много подобного в том же духе. Он предпочитает поэтому использовать слово «разум» вместо души, хотя в этом случае он с удовольствием допускает, что истины метафизические, которые и впрямь могут быть весьма субъективными, формулируются «разумом»; разумеется, «Вселенским Разумом»; или даже – в случае нужды – самим «Абсолютом». Такой смехотворный посыл служит, вероятно, возмещением за вызывающую прискорбное сожаление малость души. Складывается впечатление, что Анатоль Франс был бесконечно прав, применительно ко всему Западному миру, когда в его «Острове Пингвинов» Катерина Александрийская дает совет Богу: «Дайте им по душе, но по маленькой».